

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-53-57
УДК 008(045)

Наследие советского урбанизма как фактор, определяющий современную цифровизацию городской среды

А.А. Трошин

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-5041-0671>

АННОТАЦИЯ

В статье автор приходит к выводу о том, что современные проекты цифровизации городской среды изначально были проектами фундаментальной науки модерна, т.е. преимущественно 1970-х гг. В современной урбанистической практике в России их реализация в основном накладывается на структуру города, сформированную в то же время, но уже воспринимаемую как прошлое. Преодоление этого разрыва – в понимании того, что именно оставил нам архитектурный модернизм позднего советского времени. Начальным этапом этого, необходимым для классификации артефактов, автор предлагает аргументированную периодизацию советского урбанизма второй половины XX в. **Ключевые слова:** цифровизация; умный город; урбанизация; архитектурный модернизм; акторно-сетевая теория; история СССР

Для цитирования: Трошин А.А. Наследие советского урбанизма как фактор, определяющий современную цифровизацию городской среды. *Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):53-57. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-53-57

ORIGINAL PAPER

The Legacy of Soviet Urbanism as a Factor Determining the Modern Digitalisation of the Urban Environment

A.A. Troshin

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5041-0671>

ABSTRACT

In this article, the author concludes that recent projects of digitalisation of the urban environment have initially been projects of the fundamental science of modernity, i.e. predominantly 1970s. In modern urban practise in Russia, their implementation is mainly superimposed on the structure of the city, formed at the same time, but already perceived as the past. Bridging this gap is in understanding what exactly the architectural modernism of the late Soviet period left us. As the initial stage of this, necessary for the classification of artefacts, the author proposes a reasoned periodisation of Soviet urbanism in the second half of the 20th century.

Keywords: digitalisation; smart city; urbanisation; architectural modernism; actor-network theory; the history of the USSR

For citation: Troshin A.A. The legacy of Soviet urbanism as a factor determining the modern digitalisation of the urban environment. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):53-57. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-53-57

Ситуация со вспышкой коронавирусной инфекции в 2020 г. утвердила цифровые технологии в роли ведущих инструментов государственного контроля, не только аккумулирующих максимально возможную информацию о действиях конкретного человека, но и упрощающих социальную структуру и переформатирующих городскую среду. Что ж, технологии и вещи — полноправные наравне с людьми участники социального действия: «любая вещь, изменяющая сложившееся положение дел тем, что создает различие, является актором» [1, с. 101]. Сегодня именно они определяют способность социальных связей к длительному расширению, без которого невозможно развитие среды мегаполисов.

Однако любые инновации вынуждены взаимодействовать с историческим фундаментом, определяющим осуществимость тех или иных действий. Те же структуры «умного города» преимущественно «надстраивают» архитектурный модернизм 1970–1980-х гг. И проблема не в том, что от этого времени нам достались СНиПы и стандарты спальных микрорайонов, сегодня более всего способные генерировать транспортные и логистические проблемы. За подобными частностями не должно скрываться понимание того, что модернизм в градостроительстве — это в первую очередь программа формирования пространства. И эта программа в крупных российских городах сохраняется как действующий проект, причина долговечности которого в том, что в основе советских урбанистических практик лежали представления о целостности, долженствующей появиться вопреки реалиям развития самих городов [2, с. 15]. Сконструированные в 1970–1980-е «целостные организмы города» продолжают проявлять себя в реальности XXI в., являясь фактором, определяющим практику организации пространства. В условиях неопределенности в выборе решений о путях развития выявление и изучение таких историко-культурных детерминаций представляет определенный интерес.

Такой подход может предлагать изучение неожиданно значительных временных пластов предшествующего развития. Например, идея «глубокого времени» аудиовизуальных и вычислительных технологий Зигфрида Цилинского с ее лозунгом «в Старом обнаруживать Новое» охватывает многие века [3]. Мои изыскания в данном случае ограничиваются несколькими

десятилетиями. Я пытаюсь выяснить, как в инновационном производстве взаимодействовали люди, вещи и технологии, с постепенным переходом к доминированию вещей как акторов. Скорее таким задачам близки идеи «теории отходов» Майкла Томпсона. Согласно пересмотренной автором в 2017 г. концепции, вещи делятся на три категории: переходные, долговечные и мусор, т.е. те, чья стоимость после покупки падает до нуля. Их место на помойке, но при некоторых условиях они могут покинуть свалку, возвысившись до компонентов «славного культурного наследия», подлинных сокровищ [4].

Урбанистический мусор становится наследием, если он воспринимается как выражение дискуссионных реалий прошлого и в нем (или через него) выявляется информация о том, как обращать на пользу неопределенности, вместо того чтобы «заранее решать, как должно выглядеть содержимое мира» [1, с. 163]. Надо уметь увидеть то, что в социокультурных практиках многие решения уже были приняты и они, по факту, сегодня определяют наши действия.

Однако, описывая отдельные артефакты прошлого, сталкиваясь с ситуацией, когда бытование тех или иных феноменов не вписывается в оформившуюся схему исторических представлений. Это заставляет в исследовании исходно сформулировать систему периодизации советских урбанистических практик второй половины XX в. как смену дискуссионных реальностей, в рамках методологии акторно-сетевой теории.

В интересующем нас аспекте различие типов организации «целостного организма города» в периоды архитектурного неоклассицизма 1950-х, «оттепельных» 1960-х и в эпоху модернизма 1970–1980-х гг. можно выявить в следующем.

На формирование архитектурного стиля послевоенных лет повлияли малая техническая оснащенность строительной индустрии и важные для социальной мифологии визуализированные стереотипы благополучия «из хижин во дворцы». В рамках определяемых государством прагматических систем обществу предлагались образцы, апеллирующие к осмысленному культурному ресурсу истории искусства.

Здесь следует отметить особенность общества конца 1940-х и 1950-х, для прояснения которой лучше всего подойдет концепция разрыва поколений Маргарет Мид. В ней она разграничила

три типа культур: постфигуративную, где дети учатся в первую очередь у своих предшественников, кофигуративную, где и дети, и взрослые учатся у сверстников, и префигуративную, где взрослые учатся у своих детей. Именно последний тип культуры доминировал в советском обществе в конце 1940-х и в 1950-е гг. Основной причиной были, как и на Западе, научно-технические достижения: «сегодняшние дети вырастают в мире, которого не знали старшие» [5, с. 361]. Только произошло это вследствие послевоенного кризиса с некоторым запаздыванием — не во второй половине 1940-х, как в США, а после нормализации общества, произошедшей в 1950–1952 гг. [6]. Соответственно 1960-е могут быть рассмотрены как время доминирования кофигуративной культуры, а эпоха так называемого «застоя» — постфигуративной.

1950-е — время создания основного экономического ресурса советского общества, чье использование продолжается и сегодня. Однако в современной российской практике соответствующий тому времени тип социокультурной системы не встречается. При этом два других советских урбанистических формата присутствуют: утилитарный 1960-х в меньшей степени, позднесоветский модернистский — в преобладающей.

Обратимся соответственно к «оттепели». Смысл происходящей в этой культуре реформы визуализации может быть выражен тезисом о необходимости замены образов понятиями. Власть пытается подчинить технологически обновляющуюся реальность, противопоставляя ей нового человека — «гармонично развитого, всесторонне воспитанного, широко образованного, беззаветно преданного народу, великому делу Ленина» [7, с. 5]. Человек предполагался идеологически неизменной константой по отношению к меняющейся технологической среде. Неизменность, безотносительность субъекта к внешнему миру принимают формы универсальности вещей, включаемых в коммуникации, и условности визуального языка. Отсюда, к примеру, характерная графика, господствующая в то время в книжной иллюстрации и дизайне [8]. В этом же и истоки социокультурных инноваций, привнесенных в экономические взаимодействия. Таких как развитие промграфики (торговые марки, логотипы, технические шрифты и пр.), ускорившееся после правительственного постановления 1962 г. «О товарных знаках». Или

возникновение в СССР массового рынка вследствие реформы, начатой на сентябрьском (1965) Пленуме ЦК КПСС и предполагавшей поставить деятельность предприятий в зависимость от уровня прибыли и реализации продукции, что дало толчок развитию рекламы.

Как писала в передовице «Магазин и покупатель» газета «Правда» (от 16 августа 1966 г.): «Наряду с изучением спроса необходимо усиленно развивать торговую рекламу. Пора решительно покончить с серостью и примитивностью в этом деле. Реклама должна активно содействовать продвижению товаров в массы». Это был именно «мир вокруг» советского горожанина, который должен быть точно атрибутирован и размечен. Даже введение в 1961 г. единых для всего СССР правил дорожного движения или расширение дорожных знаков и табличек к ним в 1964 г. предполагало субъектность пользователя.

Описывая отдельные артефакты прошлого, сталкиваешься с ситуацией, когда бытование тех или иных феноменов не вписывается в оформившуюся схему исторических представлений. Это заставляет в исследовании исходно сформулировать систему периодизации советских урбанистических практик второй половины XX в. как смену дискуссионных реальностей, в рамках методологии акторно-сетевой теории.

Для существования «идеологически неизменного» человека следовало наполнить пространство города и другими символическими товарами. Внешний вид новостроек не воспринимался как условная, предельно абстрагированная форма ввиду выраженной утилитарности. Так что эту роль в 1960-е взяли на себя стандартизированные малые архитектурные формы. И здесь важно отметить то, что объединяло развитие урбанизма в 1960-е гг. с послевоенным време-

нем: для человека в городском пространстве как проявление его индивидуального поведения допускалась статика. Человеку указывалось на возможность своего места в городе, своей точки зрения на мир вокруг (поэтому под термин «оттепель» часто подводят «позднесталинские» феномены, социально, культурно и исторически отличные от «хрущевских»).

В третий же период — «зрелого модернизма» главным становится включенность человека в общий процесс функционирования городской системы. Вот как меняется функция тех же малых форм: «...необходимо совместить два графика. Первый — функциональный график движения людских потоков; второй — график запрограммированных авторами эстетических восприятий фрагмента жилой среды человеком, для которого она создана. Таким образом, комплекс зрительных впечатлений должен быть максимально выявлен с наиболее эффективных по ходу движения точек. В этом и заключается определенная композиционная закономерность при проектировании малых архитектурных форм — функциональное единство жилой среды» [9, с. 11].

Это сходно с современными практиками оформления городской среды. Для человека в этом пространстве города допускается только динамика, даже зрительные впечатления ему предписываются. Более того, они рассчитаны скорее на восприятие периферийным, а не фовеальным зрением. Целью становится создание городской среды как оперативно закрытой системы, не способной ни ориентировать обывателя на возможность предпринять действия за границами системы, ни реагировать на действия

извне системы. Проиллюстрируем это следующим примером:

Началом модернистского реформирования советского города стал 1967 г., в котором к 50-летию Октябрьской революции был осуществлен переход с шести- на пятидневную рабочую неделю. Сокращение рабочего времени вызвало необходимость переноса контроля из производственной сферы в сферу досуга. Такой формой контроля и стала перекомпоновка города. Так, к примеру, утверждалось, что детские игровые площадки преимущественно должны находиться на территории детского сада, т.е. оперативно закрытой системы, а не в общественном дворе. Которого, как такового, вообще не должно было больше быть.

Но главное, о чем идет речь: созданная в 1970–1980-е модель советского города, хоть в это сложно поверить после неопределенности 1990-х и разновекторности «нулевых», методологически близка цифровизации постольку, поскольку обе они порождения фундаментальной науки модерна. Ведь основы кибернетики, машинного обучения, искусственного интеллекта были сформулированы и разработаны в 1970-е, сегодня же просто появились возможности их технической реализации. Общность их идеологии с архитектурным модернизмом очевидна. Понимание этого может расширить формат современных проектов цифровизации, узко сфокусированных на создании защищенной части рынка или market power, либо на совершенствовании инструментов контроля и манипулирования, и не способных решать проблемы экономической эффективности и производительности, к чему изначально были призваны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2020. 384 с.
2. Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре. О. В. Казакова, ред. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); 2013. 494 с.
3. Цилински З. Археология медиа: о «глубоком времени» аудиовизуальных технологий. Пер. с нем. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж»; 2019. 440 с.
4. Thompson, Michael. Rubbish Theory: The Creation Destruction of Value — Second Edition. United Kingdom, Pluto Press; 2017. 304 p.
5. Мид М. Культура и мир детства. Пер. с англ. М.: Наука; 1988.
6. Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление советской системы после окончания Второй мировой войны. Пер. с англ. М.: РОССПЭН; 2011.
7. Бартенев И.А. Детские сады, школы. Серия «Детей окружает искусство». Л.: Художник РСФСР; 1966. 68 с.
8. Кричевский В. Графические знаки Оттепели. М.: Арт Волхонка; 2018. 120 с.
9. Мержанов Б.М. Малые формы в архитектуре жилой застройки. М.: Знание; 1974. 58 с.

REFERENCES

1. Latour, Bruno. Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory. Moscow, 2020. (In Russ.).
2. The Aesthetic of the Thaw period: new features in architecture, art and culture. Olga V. Kazakova, ed. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); 2013. (In Russ.).
3. Tsilinsky Z. Archeology of media: about the «deep time» of audiovisual technologies. Transl. from German. Moscow: Ad Marginem Press, Garage Museum of modern art; 2019. (In Russ.).
4. Thompson, Michael. Rubbish Theory: The Creation Destruction of Value — Second Edition. —United Kingdom, Pluto Press; 2017.
5. Mid M. Culture and the world of childhood. Transl. from Eng. Moscow: Nauka; 1988. (In Russ.).
6. Filzer D. Soviet workers and late Stalinism. The working class and the restoration of the Soviet system after the end of World War II. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); 2011.
7. Bartenev I. A. Kindergartens, schools. Series “Children are surrounded by art”. Leningrad: Artist of the RSFSR; 1966. (In Russ.).
8. Krichevsky V. Graphic signs of “Thaw”. Moscow: Art Volkhonka; 2018. (In Russ.).
9. Merzhanov B. M. Small forms in the architecture of residential buildings. Moscow: Znanie; 1974. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Алексеевич Трошин — кандидат философских наук, заместитель декана факультета социологии и политологии по магистратуре и профориентационной деятельности, Финансовый университет, Москва, Россия
aatroshin@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Troshin — Cand. Sci. (Philosophy), Deputy Dean of the Faculty of Sociology and Political Science for master’s degree and career guidance, Financial University, Moscow, Russia
aatroshin@fa.ru

Статья поступила 17.06.2020; принята к публикации 10.07.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 17.06.2020; accepted for publication on 10.07.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.